

Гильем; губ не сомкнет, не смежит
Век, рук не вскинет; душу нежит
Свист соловья, пленивший слух,
И вот он слеп, и нем, и глух,
Поскольку то, что нежит души,
Так прочно запирает уши,
Что не возьмет ничто преграду.
Должны, чтоб разделить отраду,
Вернуться чувства вглубь сердец.
Сеньор наш сердце, и отец:

2360

Плени его добро иль зло,
Все чувства, что произошло,
Спешат узнать; чем сплав их туже
Внутри, тем человек снаружи
Беспомощней, как будто разом
Погасли чувства в нем и разум.
А коль добро и зло извне
Их тянут внутрь, не странно мне,
Что если сердце заняла
Любовь – состав добра и зла, -

2370

То к господину вскачь они
Примчатся, только помани.
И так у чувств заведено,
Что если призвано одно,
У остальных лишь та забота,
Чтоб сделать для него хоть что-то,
Что облегчит несенье службы.
Заботы же свои им чужды.
Коль эту мысль принять, то выйдет,
Что кто захвачен чем-то – видит

2380

И постигает меньше тот;
Пусть даже кто его толкнет,
Не ощутит он – за собой
Такое замечал любой.
Меж тем, пел соловей все тише
И пенье оборвал, заслыша,
Что стали бить колокола.
Хозяин молвит: «Подошла
Пора идти на мессу нам».
От дум освободясь, и сам

2390

Гильем их слышит: «Что ж, я с вами,
Стать до начала мессы в храме
Хотелось бы, пока народ